

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**

L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15°)

№ 7

Париж. ИЮЛЬ 1934

№ 7

СОДЕРЖАНИЕ:

Гайдар Баммат. — 1834 — 1934.
Шалва Амирэджиби. — Князь Илья Чавчавадзе.
Генерал Г. И. Квинтадзе. — Хаджи Мурат.
 Обзор печати.
 Хроника.

Открытое письмо Ш. Рустамбейли М. Э. б.
 Расул Заде.
 Письмо в Редакцию.
 От Редакции.
 Библиография.

1834-1934

В июле текущего года исполнилось ровно сто лет с того исторического дня, когда, после трагической кончины благородного имама Гамзат бека, верховным вождем Чечни и Дагестана стал величайший из сынов Сев. Кавказа — Шамиль.

С именем прославленного Имама, ставшим не только для Кавказа, но и для всего цивилизованного человечества, символом героической борьбы за свободу и независимость родной страны, для нас горцев связаны не только воспоминания о самых блестящих и самых трагических годах нашей кровавой истории...

Тот, кто в течение двадцати пяти лет был

живым образом всех возвышенных доблестей нашей расы, кто сумел, так как никто до него и после него, суммировать в себе весь нафос жертвенной любви наших предков к Родной Земле, всю их неукротимую волю к Свободе, их легендарную отвагу и горделивое презрение к смерти — живет бессмертной жизнью в наших сердцах.

В повседневных наших помыслах, и в горе и в радости. Его имя на наших устах. Неустанная дума о Нем освещает нам трудный наш путь... В борьбе за завещанный Им идеал — Он — мертвый — повелевает живыми... Его бессмертный дух витает над нами, направляет каждый наш шаг, зажигает наши

сердца, электризует нашу волю... Мы знаем, что народ давший Шамиля не может быть рабом... Такой народ можно раздавить, можно уничтожить, но согнуть — никогда!

В короткой заметке, посвященной столетнему юбилею приятия Шамилем верховной власти мы не собираемся, конечно, подводить итог двадцатипятилетнему правлению великого Имама.

Все более или менее знакомы с этой ослепительной страницей Кавказской истории.

Эпопея Шамиля 25 лет писалась кровью, огнем и мечем...

25 лет вся Европа и весь мусульманский Восток в немом изумлении следили за трагической борьбой маленьких, почти безоружных кавказских народов против самой могущественной военной империи той эпохи, против вооруженного до зубов русского колосса...

25 лет — почти каждый день был окрашен жертвенной кровью героев, радостно отдававших свою жизнь за Честь и Вольность Отчизны, каждый день был отмечен высоким торжеством героического духа над косной силой грубой и бездушной материи...

Несмотря на неизмеримое численное превосходство русских армий, на совершенство их вооружения, несмотря на неисчерпаемые экономические и военные ресурсы громадной Империи, первая половина этой жестокой четверти века была отмечена повсеместно блестящими успехами кавказского оружия.

Божественный гений Шамиля не только воспламенил новым священным огнем сердца бойцов, но сумел в короткий промежуток времени создать прекрасную по тому времени военную, государственную и финансовую организацию страны. Вот свидетельство врага, — генерала Фадеева — которого никто не заподозрит в пристрастии к Шамилю и к горцам:

“Шамиль стал повелителем Кавказа и вел войну с русскими как равный им противник, вырывая из их рук все плоды прошлых побед, заставляя Россию напрягать все свои усилия чтобы удержать за собою край, приобретенный десятками лет кровавой борьбы.

Чечня была вырвана из наших рук, войска были сбиты с полей; русские войска должны были действовать на Кавказе не отрядами, как прежде, а целыми корпусами, и, как ни странно сказать это, нравственный перевес в эту пору оставался за горцами. Власть России на Кавказе стала призрачною... Перед нами выросло могучее государство, управляемое твердой рукой, где каждый гражданин — воин, не задумывавшийся ни на минуту, если надо было отдать свою жизнь... Солдаты наши гибли сотнями и тысячами, не принося никакой пользы; горцы все более и более вытесняли русских из своих пределов и военный министр князь Чернышев, посланный для исследования дел в 1842 году совершенно прекратил военные действия в Дагестане.

В 1845 году ни одного русского, кроме массы пленных не оставалось в Дагестане.

В 1845 году предпринят был поход против аула Дарго вновь назначенным главнокомандующим Воронцовым, закончившийся полным поражением русских...”

Увы это был один из последних успехов — русские войска, получившие громадные подкрепления вновь приступили к систематическим операциям, широкого размера.

Война на уничтожение, которую, ввиду чудовищной несоразмерности борющихся сил, было бы вернее назвать бойней, возобновилась с неслыханным ожесточением и не прекращалась до трагического дня 25 августа 1859 г. когда, окруженный врагами со всех сторон и... преданный некоторыми своими на-ибами, для спасения жизни бывших с ним

женщин и детей, великий Имам должен был сдать Генерал - Фельдмаршалу князю Барятинскому...

Правда на Западном Кавказе, в Черкессии ожесточенная борьба продолжалась еще целых пять лет.

Ею руководил с мужеством отчаяния и большим военным искусством верный наиб Шамиля Магомет - Амин, ставший членом семьи князей Болотоковых — тех Болотоковых, славная династия которых в длинном ряде поколений всегда была на страже черкесских вольностей и ни разу не запятнала себя соглашательством с врагом...

Эта 5 летняя эпическая борьба черкесов, обреченных после пленения верховного вожды и падения Дагестана на неминуемую гибель и страшные репрессии неумолимого врага была последним героическим эпизодом вековой борьбы свободных Кавказских народов против Российской Империи.

В черный день 2 июня 1864 года пала сметенная артиллерийским огнем последняя цитадель Свободы Кавказа — укрепленный лагерь в долине Агбо...

Начался трагический исход черкесов в Турцию. Насильственное выселение 600.000 мирного черкесского населения, стариков,

женщин и детей, сопровождавшееся раздирающими душу сценами — останется навсегда одной из самых мрачных и позорных страниц Русской Истории...

Черные крылья хищного русского орла распростерлись над горами и долинами порабощенного Кавказа от моря до моря. Над свобододолюбивыми Кавказскими народами спустилась долгая, непроглядная ночь, изредка озаряемая зловещими зарницами кровавых восстаний...

Великая война и русская революция открыли новую страницу в истории Кавказских народов... Эта страница еще не дописана.

Как в былые годы долины и горы Кавказа обильно оросились жертвенной кровью лучших его сынов...

Как в былые годы сердца оставшихся в живых горят огнем неукротимой воли довести историческую борьбу до победного конца.

Час последней решительной битвы за святость родных очагов, за свободу и независимость Родной Страны — близится.

Этот час застанет наши народы готовыми к великим жертвам за завещанный великим Имамом идеал.

Гайдар Баммат

Князь Илья Чавчавадзе

1.

В 1906 году, Наместник Кавказа, граф Воронцов - Дашков писал императору Николаю II: — “Дворянство, духовенство и интеллигенция Грузии настроены сепаратистически. Единственный элемент, на который русская власть может опираться, только грузинские социал - демократы, правда, опасные революционеры, но сторонники государствен-

ного централизма и единения с Россией”.

Это мнение правителя Кавказа, не подлежащее публичной огласке и предназначенное только для монарха, но основанное на тщательных наблюдениях над особенностями грузинской жизни, в самый разгар борьбы между грузинскими националистами и грузинскими марксистами, каким то образом проникло в грузинскую прессу и наделало тогда много шума. Граф Воронцов - Дашков писал

правду. Грузинские социал - демократы не имели своей национальной организации, входили в состав "Российской социал - демократической рабочей партии" и идеи централизма, великодержавничества и национально-го нигилизма так и сыпались через них на Грузию, как манна небесная. Легализация этих "опасных революционеров" была полная. Они имели бойкую ежедневную прессу, были самыми свирепыми противниками автономии Грузии, побеждали на всех выборах в государственную думу и за десять лет пребывания в русском парламенте, социал - демократические депутаты Грузии, вели себя как полнейшие неучи в грузинском вопросе.

Иначе сложились исторически грузино - русские отношения. Грузия была присоединена в 1801 году, но восстание вспыхнуло уже через год. Затем оно повторилось в 1804, потом в 1811 и 12 годах, затем эта борьба вылилась в большом заговоре 1832 года, раскрытом русским правительством и стихло за смертью царевича Александра, младшего сына царя Ираклия II, главного вдохновителя всех этих событий. Финальным актом старой багратионовской Грузии можно считать похороны последней грузинской царицы Марии, супруги Георгия XII. Известно, что царица готовила восстание и на предложение русских отправиться в Россию, ответила отказом. Дом царицы был оцеплен русскими войсками, а большую царицу просто стащили за ногу с ложа. Влеснула кинжал и, русский генерал Лазарев, лично выполнявший это грубое и дерзкое дело, пал мертвым. Царица получила сабельные удары в плечо и руку и израненная была увезена в Россию. Есть множество оснований полагать, что русский генерал был убит кем то из свиты царицы. Но в убийстве была обвинена сама царица и в наказание заточена на семь лет в Воронежский монастырь. Затем ее поселили в Москве.

где, после долгих годов плена, горя и тоски, она умерла в 1852 году.

В одном из русских музеев висит картина кисти полурусской - полугрузинской художницы, изображающая скромный московский двор последней грузинской царицы. Мужчины, женщины и дети одеты по грузински и плачут. Старый грузинский священник дает последнее причастие, умирающей в высоком кресле — на подобие трона — Марии. Россия разрешила похоронить ее в Мцхетском соборе и на последнее прощание с мученицей царицей собралась вся Грузия. ,

Так кончился один период грузинской жизни.

Со второй половины девятнадцатого века начинается другой период, — период единения Грузии, вступившей в состав России одновременно и разрозненно, отдельными царствами и княжествами. Старая Грузия, — Грузия разобценная политикой Персии и Турции и поделенная внутри между грузинскими династиями, но столкнутая лбами русским "присоединением", нуждалась в духовно-моральном обновлении, а еще больше, в человеке, который слил бы ее в одну народную душу, с одним национальным идеалом.

Дело было не из легких, если иметь ввиду, что разобценность эта имела за собою почти семисотлетнюю давность. Преодолеть это мог не какойнибудь политический флюгер, как это селятся теперь докучливые чечетки грузинского марксизма и даже не всякий патриот, а душа возникающая из чистых недр грузинской расы, культуры и истории. Таким человеком явился князь Илья Чавчавадзе.

2.

Князь Илья Чавчавадзе родился в 1837 году и принадлежал к старой грузинской знати и фамилии, давшей Грузии ряд выдающихся

ся деятелей. Князь Гарсеван Чавчавадзе и князь Александр Чавчавадзе, отец и сын, играли до него первенствующие роли, один при грузинских царях, другой — после присоединения к России, и создали славную традицию этой фамилии. Не мудрено, что после Александра Чавчавадзе, выдающегося грузинского поэта и патриота, эта фамилия вновь дала Грузии замечательного человека, навсегда связавшего свое имя с историей всей новейшей Грузии.

Вряд ли Грузия второй половины девятнадцатого века, перед которой стояли задачи, о которых говорилось выше, могла желать деятеля лучшего, чем был кн. Илья Чавчавадзе. Человек высокого ума и большого сердца, вдохновенный поэт, каких мало у Грузии, романист, знавший жизнь и быт своего народа, блестящий публицист и блестящий оратор, подлинный борец и врожденный политик, с тончайшим тактом умевший вести боевую линию к настоящей цели, князь Чавчавадзе стал признанным вождем своего народа, заполнив сорок пять лет грузинской жизни своей мощной фигурой, характером не знавшим компромиса и деятельностью чуждой опортунизму и страху невысококачественных натур, теряющих обоняние при каждом дуновении ветра.

Подлинный либерал, прививший своему народу дух нового времени и с умелостью культурного консерватора отстаивавший все то, что ценно из старого он тонко разбирался как здравый смысл очень часто незаметно переходит в бред и программу вождя маленького подневольного народа, очертил весьма умело и строго. Успехи этой программы были реальны и благодетельны для Грузии. Грузинские тела сошлись в одно и Грузия стала нацией с одним лицом и единой душой.

Он обогатил грузинскую литературу и бедную грузинскую журналистику возвысил

до значения прессы, создал для народа культурно - национальные учреждения и то, что называется обществом, делал общественное мнение и рисовал национальный идеал, звал народ к деятельности и борьбе — за жизнь и право. Возьмете ли его высокую поэзию, прозу, ставшую для грузин классической, публицистику, в которой личный ум и восхитительный дар письма соперничают с кругом идей, который был ему по вкусу и который он считал нужным проповедывать в своем народе, его ли деятельность в качестве несменяемого председателя во многих грузинских учреждениях или его огненные речи, произнесенные на заседаниях, собраниях, торжествах и на похоронах выдающихся лиц, всюду и во всем он был проповедником высоких идеалов человечества, заступником чести, исторических прав и политической свободы своего народа.

В наши дни, когда скомпрометированы решительно все партии мира, люди обжегшиеся именно на партии и партийности, ставят ему в упрек, что у него не было партии. Это, пожалуй, так. Партии, в обычном смысле слова, у кн. Чавчавадзе, действительно не было, как не было ее у Адама Мицкевича, или что еще лучше, партии не было у маршала Пилсудского, когда он затевал великое дело освобождения Польши. Но была Польша и человек с польской идеей. Князя Чавчавадзе, у которого не было партии, однако все называли “некоронованным королем Грузии”. Он был человеком с грузинской идеей! Об этом не мешает вспомнить именно теперь, когда Грузия наших дней наделена таким множеством окаменелостей из числа вождей вчерашней правящей партии, не снимающих с чела диадемы, которой давно грози цена!

Сепаратизм приписанный гр. Воронцовым - Дашковым грузинам, имел ввиду Гру-

зию кн. Чавчавадзе и его славных сподвижников.

Социал - демократизм, государственный централизм, национальный нигилизм, а главное борьба против того, что гр. Воронцов - Дашков называл "грузинским сепаратизмом", и все другое было началом другого движения, нового и руссофильского, марксистского и бредового, направленного против чистого национализма кн. Чавчавадзе. Глава этого нового "грузинского" движения, Ной Жордания, писал, что Грузия стала интернациональной, как только Россия ступила на ее порог и возврат к старой независимости означал бы реакцию. Понять, почему Грузия именно тогда стала интернациональной, когда она стала частью России, т. е. утратила свою независимость, иначе говоря, основной признак свободного сношения с окружающим миром, что и делает нацию интернациональной единицей и была менее интернациональной, пока она была независима, понять это так же трудно, как и все писания г. Жордания о нации, учение весьма не осмысленное, и глубоко вредное для Грузии. В те годы это вылилось в форму свирепой пропаганды против автономии. Раз по мнению Жордания, Грузия уже была интернациональной (читай — частью России), уводить ее из этого "интернационала", или устраивать его, хотя бы, автономно, означало ивергать ее в реакцию. В 1908 году, когда писались эти слова, автора этих "либеральных" идей не смущало, что этот "интернационализм" то Грузии был создан исключительно солдатами императора Александра I.

Не так поверхностно и по интернациональному сумбурно смотрели на свои задачи кн. Чавчавадзе и его сподвижники. После поражения на маджурских полях, когда в России развязались языки, Грузия заговорила языком и речью, к которой она готовилась

долго. Выражаясь словами гр. Воронцова - Дашкова, "дворянство" потребовало автономию, а "духовенство" — восстановление независимости грузинской церкви. Было и "третье сословие, — интеллигенция, которая, за неимением другой программы, очевидно, требовала и автономию и автокефалию. Иначе говоря, это были требования всей Грузии. Кн. Чавчавадзе тогда было под семьдесят лет. Его борьба за национальные права Грузии, с течением времени, была усилена новым патриотическим течением, созданным кн. Ар. Джорджадзе и его единомышленниками. Автономия Грузии была боевым пунктом их программы. Но подлинным вождем и духовным главой всего национального движения и старого и нового, был все тот же кн. Чавчавадзе.

Само собою понятно, что автономия была только частью программы, которая имела у кн. Чавчавадзе. Этим и объясняется что в то время как, грузинские требования того времени дальше автономии не шли, гр. Воронцов - Дашков называл грузин сепаратистами. Такое "раздувание" автономии до пределов сепаратизма объясняется тем, что гр. Воронцов - Дашков прекрасно понимал куда ведут автономии, да и кн. Чавчавадзе не застревал на одной лишь автономии.

В 1879 году, после берлинского конгресса, в январском обзоре своего журнала, он писал:

"Берлинский конгресс вытянул первую петлю балканского узла и, как это бывает с чулком, он должен распуститься до последней петли. При чем мы тут, скажет читатель? Та маленькая страна, которая называется Кавказом и в которой Грузия пользуется непрекаемым преимуществом, становится отныне той ареной, где после берлинского конгресса, завязывается большой узел восточного дела. По нашему разумению, восточная полити-

ка Европы, застрявшая на славянских делах, передвинулась к нам в Азию и Россия и Англия, два непримиримых соперника из-за обладания Азией. должны будут столкнуться в Азии и вопрос будет разрешаться здесь... Хотя за эти пятьсот - шестьсот лет многое изменилось в мире, но часть земли, именуемая Кавказом и бывшая дверью Азии и Европы, из-за обладания которыми была пролита кровь многих народов, по старому осталась и дверью и поводом, чтобы народы снова и снова проливали кровь”...

Слова эти, написанные полвека тому назад, сохранили всю свежесть и значение и для наших дней. Политическая концепция кн. Чавчавадзе ясна. Она сводится к той правильной мысли, что при современных сложных международных отношениях, политическая независимость подневольных народов никогда не приходит изнутри, тем более ее нельзя испросить у нации - господина и требует соответствующей международной обстановки. Но каждодневная защита своих прав, одной из форм которой является и автономия, все же есть обязательное для народа условие борьбы. Эта же статья кн. Чавчавадзе имеет и другое значение. Мысль ясная вначале, остается ясной до конца. Независимость Грузии он не мыслил без Кавказа, ибо предметом политики Европы может быть только весь, только единый Кавказ. Поэтому пора покончить с баснями, распространяемыми грузинской марксистской газетой, правда, среди голов, специально расположенных к невежеству, что это они насадили в Грузии политическую культуру и познакомили ее с Европой и европейской политикой.

3.

Значение кн. Чавчавадзе для грузинской жизни не укладывается в рамки журнальной

статьи. Скажу только о последних двух годах его жизни. Они были омрачены гнусной полемикой, затеянной против него социал - демократической газетой “Могзаури”, в 1905 г. Великому грузину в это время, как сказано выше, было под семьдесят лет. Свою знаменитую газету “Ивериа” он передал более молодым своим единомышленникам, отстранился также и от всех других должностей, которые он занимал столько лет и был только членом Государственного совета. Грузинская деревня переживала в это время свою жакерню и помещиков истребляли не стесняясь. Был помещиком и кн. Чавчавадзе, хотя всю свою молодость посвятил борьбе с крепостничеством и можно сказать, что крестьянская реформа в Грузии была проведена его руками, как и руками его сподвижников. Имел он также право умереть спокойно, без клейма на славном имени и без свинца во лбу, совершив дела, не всем свыше присуждаемые. Но социал-демократическая газета подвергла его оскорбительной и злостной клевете. В стране, где бушевал крестьянский террор, он был обьявлен их притеснителем и виновником несчастий своих односельчан. Кн. Чавчавадзе ответил. Это было последним его писанием. В семидесятилетнем старце не погасли ни прежняя ясность ума, ни старая отвага человека, всегда боровшегося с ложью, ни то удивительное мастерство писать, которым он пленял своих современников. Он шаг за шагом разрушил все бездарные и бессовестные наветы, возводимые на него клеветниками и друзья старого бойца, все что было в Грузии честно, благородно и патриотического — ликовали. Но посрамленная газета не постеснялась выступить снова. На этот раз она заявляла что, как извергу и крепостнику, кн. Чавчавадзе не место среди порядочных людей! Кн. Чавчавадзе понял, что в марксистской газете люди работали не пером, а отмычкой и

больше не отвечал. А в 1907 году он был убит. Преступление носило все признаки аграрного террора. Удалой набег группы крестьянских молодцов из его же деревни, на экипаж поэта, короткая схватка и быстрая развязка. В этот день, на одной из сельских дорог Грузии валялся труп кн. Чавчавадзе с простреленным лбом и избитая и помешавшаяся от горя, его преклонная супруга. Никогда Грузия не видала подобного хамства. Ее открыли вечным позором. На виду у всех она стала самой поруганной страной...

Была ли связь между газетной травлей и этим беспримерным убийством? Вопрос остался невыясненным и волнующим до сих пор Грузию. Некоторые, очевидно наиболее честные социал - демократы заявили тогда, что в позорном убийстве поэта партия была не при чем. Но это заявление было, к несчастью социал - демократов, скомпрометировано одним обстоятельством. За все время травли поэта, не нашлось среди них ни одного культурного и достойного человека, который возмутился бы варварством газеты и громко заявили, что травить так первого грузина — преступно. А после убийства, Ной Жордания писал: "лес рубят — щепки летят".

С убийством кн. Чавчавадзе кончилась

одна грузинская эпоха и началась другая. Настало и то время о котором предсказывал кн. Чавчавадзе. Ровно через десять лет, после его убийства, в Грузию пришли англичане. Но хозяевами страны были другие люди. У них не хватило ни ума, ни людей способных справиться с столь благоприятными обстоятельствами. В Грузии царил беспросветный марксистский бедлам... Независимость Грузии блеснула на короткий срок, как будто для утоления честолюбия грузинских калифов на час из категории "интернационалистов" и вновь погрузилась в небытие. Жалкие остатки этого "грузинского интернационализма" и по сей день тревожат тень кн. Чавчавадзе, пишут о нем, сквернословят, толкуют его вкривь и вкось — в бесплодных потугах развенчать. Напрасный труд!..

В вихре больших событий, которыми огушено наше время, отведено свое место и маленьким явлениям. Таким маленьким явлением для грузин является издание десяти томов сочинений кн. Чавчавадзе в советской Грузии. Новые поколения грузин читают эти сочинения, пьют чистую струю Чавчавадзевской мысли и проникаются его светлым национализмом. Помутить эту чистую струю никаким копытам более не дано.

Ш. Амиреджиби

Хаджи Мурат

Отважный воин, лихой ездок, бесстрашный "наездник",*) умный и расчетливый начальник, Хаджи - Мурат был лучшим набегом, украшением и правой рукой Шамиля. Он не знал неудачи и стоустая молва склады-

Наездниками тогда именовались лица, совершавшие набеги, наезды.

вала про него легенды.

В то время Кавказская война состояла в набегах, наездах, в экспедициях отдельных отрядов и складывалась из ряда стычек и "дел", всегда ожесточенных и кровопролитных.

Русские войска на всех возможных путях нападения строили укрепления и крепо-

сты, и таким образом образовалась так называемая "линия". Эти укрепления все же не обеспечивали пути сообщения, как по линии, так и в глубине страны, и "оказии" были единственными, хотя и не всегда верными, средствами сношения и передвижения между отдельными населенными пунктами. Почта, военные чины, деньги, обыватели, товары, продукты и пр. ожидали этой "оказии". Эта оказия заключалась в том, что время от времени, от одного населенного пункта к другому направлялись воинские части, часто с артиллерией, вот эти воинские части и являлись прикрытием и конвоем всего того что должно было попасть из одного пункта в другой. Это и называлось "оказией".

Сила этих воинских частей зависела от степени опасности, от ценности конвоируемого имущества и от важности конвоируемых лиц.

Характер войны приводил к ежедневным тревогам, к налетам и к быстрым на них ответам. В этих стычках, нападениях, в "делах" дать промах, значило погибнуть; естественно, как в войсковых частях и в отдельных личностях развивались сметливость, инициатива, умение быстро ориентироваться, находчивость, т. е. те военные качества, которые служат краеугольным камнем военного успеха.

В таких исключительных и суровых условиях войны и выковался Хаджи - Мурат.

Обладая недюжинным умом, настоящим военным взглядом, лично бесстрашный, несомненно талантливый начальник, — он явился для русских войск неукротимым и страшным противником.

Своими, невероятными набегами он приучил русские войска отовсюду ждать нападения, причем на линии было известно, что если Хаджи-Мурат тронулся, то быть беде.

Принимались меры, чтобы заранее быть

осведомленными о готовящемся его набеге; часто достигали этой цели, но особой пользы от этого не было, ибо можно было знать, что Хаджи - Мурат готовится к набегу, но никогда не знали, куда он ударит.

Даже участники набега узнавали это только на сборном пункте, и то в момент, когда Хаджи Мурат был уже в седле и трогал лошадь.

Вот несколько эпизодов, рассказанных участником Кавкасской войны.

* * *

Однажды Хаджи - Мурат объявил набег и назначил сборный пункт. В него верили и горцы любили ходить за ним. Откликнулось не мало и на сборный пункт явилось до тысячи всадников.

Как всегда, о цели Хаджи - Мурат хранит молчанье. Наконец дает знак, садится на лошадь и трогается в путь. Ближайшие помощники спрашивают его "куда идем?". Ответ: "Хунзах". "Хунзах??" — снова его вопрошают.

— "Да, Хунзах". Переглянулись начальники, передали людям и тронулись за ним.*)

Думают: Хаджи - Мурат себе на уме и пока не хочет обнаруживать своей цели. Когда в пути выяснилось, что действительно, Хаджи - Мурат направляется на Хунзах, люди, более робкие стали отставать и уходить: атаковать Хунзах было безумием и не сулило успеха. "Хаджи - Мурат — говорят ему его начальники — правда идем на Хунзах?" — "Да, правда".

*) Хунзах в то время считался не при-
 ступной крепостью, ибо был окружен широ-
 кой глинобитной стеной. имел гарнизоном
 батальон пехоты и артиллерию.

— “Люди начинают уходить”, — говорят ему, — “осталось человек 500. — “Очень хорошо”.

Начальники в недоумении, пожимают плечами и все не верят.

Когда же свечерело, и дорога наметилась окончательно на Хунзах, люди еще больше стали отставать, и ему доложили, что осталось едва 200 человек.

— “Но какие”, ответил он, “эти 200 стоят больше той тысячи”.

Когда показались стены Хунзаха Хаджи-Мурат вызвал песенников и с песнями подошел к воротам.

На вопрос часового “кто идет”, ответили, что едет брат Ханши. В ту ночь действительно ожидали приезда брата Ханши; Хаджи - Мурат знал это и несколькими часами предупредил его прибытие. Ворота открылись и Хаджи - Мурат в'ехал в Хунзах. Тут же, за ближайшими салями он оставил человек 25-30 всадников и приказал им, как только услышат выстрелы тотчас же вырезать караул и открыть ворота.

Хаджи - Мурат под'ехал к дворцу; на крыльцо освещенного дворца выскакивает предупрежденная посланными вперед людьми ханша и подходит приветствовать “брата”.

Хаджи - Мурат наклоняется с лошади, хватая ее и кладет поперек седла. Раздается выстрел. Всадники бросаются во дворец, хватают кто что может и через несколько минут Хаджи - Мурат со своими всадниками уже скачет к воротам.

Пока гарнизон собрался по тревоге, Хаджи - Мурат был уже далеко в горах; да и где нехоте угнаться за наездниками.

Смело и до гениальности просто.

* * *

Захарьевича Аргутинского - Долгорукова, командующего войсками и начальника Дагестанской области.

Зная прекрасно местное население, владея их языком и уважая их нравы и обычаи, князь был всеми уважаемым администратором и пользовался популярностью даже среди “немирных горцев”.

И вот князь получает письмо, подписанное Хаджи - Муратом. “Князь, писал Хаджи-Мурат, ты даешь большие деньги шпионам за то, чтобы знать, когда и куда я нападу. На этот раз я сам уведомляю тебя, что в такой день я нападу на Темир - Хан - Шуру.”*)

Приздумался князь. И было о чем: не поверить, — а вдруг этот сумасшедший нападет; поверить, — тогда, значит, надо усилить войска в районе Темир - Хан - Шуры, что вызовет ослабление войск на линии, и Хаджи - Мурат, воспользовавшись этим обстоятельством, произведет нападение где либо, где количество войск будет ослаблено.

Поверил умный князь и приготовил встречу: усилил гарнизон своей резиденции и поставил войска вне города к стороне вероятного нападения.

Войскам была объявлена причина их сосредоточения, приняты были меры особой бдительности и охраны. Вечером, в канун назначенного дня нападения, перед стянутыми войсками на ближайших возвышенностях появились значки. Пришел таки Хаджи-Мурат. Простым глазом видно было, как строились завалы и засеки; позиция укреплялась. Всю ночь горели костры на широком фронте, а русские войска ежечасно ждали нападения.

На рассвете войска приняли боевой порядок и приготовились к бою; со стороны про-

*) Темир - Хан - Шура был центром управления Дагестанской областью и “линией” и резиденцией Командующего войсками.

тивника всю ночь раздавался шум, к утру затихло. Предприняли разведку и выяснилось, что завалы пусты и никого нет, торчали одни значки. В это время прискакал ординарец от князя: "Хаджи - Мурат был уже в городе и ограбил".

Оказалось в течение ночи Хаджи-Мурат произвел обход и на рассвете напал на Шуру не с юга, как ожидали, а с севера. Говорят чуть самого князя не захватили.

* * *

Как известно 40-е года прошлого века, особенно 43, 44, и 45 были неудачными для русского оружия, но потом сопротивление горцев стало постепенно падать; от Шамиля отпадали целые области. Чечня также шла на мир. Необходимо было подогреть сопротивление и не дать Чечне замричься.

Задача выпала на долю Хаджи - Мурата, и он ее блестяще выполнил.

Собрав несколько сот лихих молодцов, он с ними прорвался сквозь линию. Было тотчас же организовано преследование и одновременно предпринято окружение Хаджи - Мурата. "Линия" была усилена и приняты меры, чтобы Хаджи - Мурат не мог выскокить обратно.

Хаджи - Мурат кружил по Дагестану, днем принимая бой, а ночью меняя стоянку. С вечера строил завалы, а днем настигшие его войска атаковали лишь несколько десятков его всадников, а остальные за время отдачи русскими войсками приказов, время развертывания войск, их наступления и пр. успевали уйти верст за 15-20. Снова преследование, а на следующий день опять новая выдумка Хаджи - Мурата.

Русские власти особенно беспокоились, как бы он не вырвался обратно в Аварию и принимали одновременно меры к прегражде-

нию туда путей. Хаджи - Мурат вдруг переменял направление, прорвался сквозь линию и прошел в Чечню.

Не трудно себе представить, какое впечатление произвел он этим лихим рейдом не только в Чечне и Дагестане, но и на русские войска. "Да, говорили старые Кавказцы про него, черт он, а все же лихой; хвала ему и честь".

Несколько десятков его всадников все же попали в плен; но все в сонном состоянии; уж очень были переутомлены.

Служивший тогда в Дагестане, а потом шеф жандармов, Дубельт, предложил свой план, как избавиться от Хаджи - Мурата путем целой сети интриг, подметных писем и доносов и, играя на зависти некоторых набобов Шамиля, создал недоверие между этими двумя колоссами борьбы за независимость гор.

Шамиль, уже во многих изверившийся, хотел личной встречей с Хаджи - Муратом рассеять народившееся между ними недоверие, для чего вызвал его к себе. Сей последний той же сетью интриг и доносов, был предупрежден, что будет вызван Шамилем, который с ним и покончит.

Таким образом этот вызов окончательно убедил Хаджи - Мурата в намерении Шамиля его убить. Спасаясь от Шамиля, он нечаянно вышел на русские линии и должен был сдаться. Впоследствии хотел вернуться, бежал и был убит настигшими его русскими войсками.

Имя Хаджи - Мурата до сих пор связывается со множеством легенд, созданных народной фантазией, но имеющих всегда в своей основе тот или другой его подвиг. И неудивительно, что он был опоэтизирован даже русскими писателями: Л. Толстым, Марлинским и др.

Он был враг, враг неумолимый, враг страшный. Его именем на "линии" пугали детей. Но среди любых бойцов старой Кавказской армии умевших рыцарски оценивать

своего врага, этот доблестный воин и защитник своей родины приобрел лишь славное имя и искреннее уважение.

Г. Квинтадзе

Обзор печати

"КлДэ" (Скала)

В Берлине вышел первый номер органа грузинских националистов "КлДэ". Во главе издания стоит Ш. А. Карумидзе. Мы сердечно приветствуем воскресшего собрата и мысленно переносимся к тем годам (1912-1913 г.г.) когда группа юных энтузиастов грузинской национальной иди создала первое "КлДэ", а затем в трудных условиях первых дней государственного строительства независимой Грузии "Сали КлДэ" доблестно выполнял благородную роль национальной оппозиции правительству грузинского филиала Российской социал - демократической партии. Мы верим, что в сложной международной обстановке, в которой теперь приходится нам бороться за наши национальные идеалы, новый "КлДэ" оправдает свое славное название и будет тверд и непоколебим, как скала.

Вот как понимает "КлДэ" стоящие перед Грузией и грузинами задачи:

... "Грузинский народ борется за свою независимость весь пропитанный национальным сознанием и идеалом. С печатью молчания на устах, с кандалами на ногах, стонущий под ярмом коварного врага, он разворачивает эту святую борьбу в высших и сложных формах. С врагом состязается единая Грузия и все грузины, объединенные национальным долгом. Стерлись классы и звания,

забыты частные интересы — всему этому нет и не должно быть места. — Поднялся весь народ со всеми своими силами, с перманентными запросами и ступежался злой призраком, искусственно выведенный во всемогущий фактор — классовый интерес — то, что возвел на престол разлагающий душу и тело марксизм и две эманации последнего в грузинской действительности: меньшевизм и большевизм. Первый умер — второй еще живет, опираясь на чужие штыки. С грузинского политического поприва должен быть убран труп меньшевизма. Из грузинского сознания должна быть стерта марксистская зараза, которая там на Родине принесла Грузинский народ и Грузию в жертву партии, а здесь ее честь и судьбу связала со 2-м Интернационалом, сегодня находящимся во вражеском стане.

Отбросить вторую ветвь марксизма — большевизм и занесенную им нам силу — Россию — это и есть та основная проблема, которая роковым образом стоит перед грузинским народом.

Стереться с лица земли или освободиться от русского ярма — такова конечная формула для него. Это обстоятельство разрешает для нас вопросы ориентации и мировоззрения. Оно дает и соответствующее направление нашей энергии и нашим практическим

действиям, отмечает кто наш враг и кто наш друг. Наш враг — кто за Россию. Наш друг и поборник — кто с нами против России. Эта основная директива наших целеустремлений раз навсегда предопределяет для нас также и вопрос Кавказского единства и его будущности и диктует наши взаимоотношения с другими народами сегодня разделяющими нашу участь и борющимися за национальную свободу.

Против России борются Белоруссия, Украина, Казачество, мусульманские народы... Кровью пишется история этого колоссального освободительного движения...

Другой оппозиции Москва не имеет. Те же русские, которые не уживаются с большевизмом и считают его пагубным для России, могут иметь место в рядах при одном неприменимом условии — абсолютное признание национальной свободы и равноправия

Мы не верим ни в какие комбинации демократизма, социализма, коммунизма и тому подобного “идейного” шантажа. Мы окончательно исчерпали последние остатки веры в ценность партийной эпохи. И заплатили за это дорогою ценой.

Мы боремся за Родину и Народ. Борьба идет не из-за какой нибудь доктрины, но ради существования Народа и за его права...

* * *

“Брдоцлис Хма” и Какуца Чолокошвили

В ответ на фарисейскую статью грузинской социал - демократической газеты “Брдоцлис Хма” (№ 44), посвященную покойному Какуце Чолокошвили, Ш. Карумидзе, в ярко

обличительной статье, помещенной в том же номере “Клдэ”, пишет:

...“Напротив, это всегда от вас — из ваших кругов исходила инициатива борьбы против него. Еще в 1922 году вы всадили ему в спину кинжал. В ваших прокламациях, вместе с нашими врагами вы окрестили его бандитом. — Его — кто был вдохновителем и вождем грузинского освободительного движения. В Константинополе, в Паритетном комитете, вы осмелились потребовать у нас, чтобы и мы назвали его бандитом, и связанное с его именем национальное движение грузинского народа объявили простым разбоем. По приезде его в эмиграцию вы не переставали всячески его травить и третирировать. Его — национального героя — вы презрительно именовали “стражником”, “офицеришкой”. В известном письме Жордания и Рамшвили воровским и изменническим образом, путем Чеки, вы оклеветали его перед грузинским народом. Вы ни перед чем не остановились, чтобы посеять раздоры и ненависть между ним и его единомышленниками и соратниками. Сколько письменных и устных доносов вы и ваши сотрудники подали на него в разные “комиссарияты” и “разведки”. Не вы ли в течение всех этих лет вели клеветническую кампанию против него, не вы ли являетесь авторами и инспирираторами письма Гамкредидзе. Почему вы не пришли в негодование когда имя Чолокашвили постоянно упоминалось в письмах Гамкредидзе в “Последних Новостях”? Ведь все было в ваших руках: и бумага и перо и дружба с русской редакцией для компрометирования грузинского достоинства...

Дело о фальшивых червонцах

Касаясь шумевшего дела о червонцах,
Ш. Карумидзе говорит:

“Вы заявляете, что знаете правду...
Стало быть вы знаете, что в деле червонцев, которое не дает вам покоя и по поводу которого вы наговорили так много глупостей и проявили все убожество вашего умственного и нравственного багажа, — *прямыми и косвенными участниками были два ваших столпа, а именно Ной Рамишвили и Ной Жордания.*

Утверждая это и готовый нести ответственность за свои утверждения я не опираюсь как на документ на кичливое заявление Рамишвили: — “Это дело я знаю с самого начала”, которое в свое время слышал каждый из нас. — Этого было бы довольно там, где “совесть еще в почете”, но в среде “очищенных” от совести людей этого не достаточно.

— Вот правда, которая устанавливается неопровержимыми документальными данными: Первая встреча и разговор о том чтобы использовать для борьбы с врагом печатанье червонцев имели место в Париже в “Отель Гарибальди” в 1926 году. Моими собеседниками были официальный представитель Грузинского правительства в одной большой стране, где наряду с официальным представительством, он выполнял всевозможные поручения. Это было то самое лицо, от которого тогда ожидали “финансового возрождения” за которым также ухаживали, также кокетничали, как делают сейчас со счастливым “венценосцем” с богатым американ-

ским приданным. Разговор закончился на следующем: я взял на себя техническую постановку дела и его ведение, а делгат Жордания и Рамишвили — финансирование дела и политическое его покрытие. Этот последний пункт, обусловленный лишь словесным соглашением требовал большей конфирмации. Было решено что с этой целью в Париже останется барон Штенгель; я же должен был вернуться обратно для выяснения и уточнения моих возможностей. На пятый день после моего отъезда я получил от г. Штенгеля письменное извещение, что “под этим пунктом с полной серьезностью обязался Рамишвили”. В следующем письме барон Штенгель писал мне: “Сегодня г. Х. (назовем пока так посла г. Жордания) отправляется, чтобы поторопить высылку денег. Что же касается выдвинутого вами вопроса о политической поддержке и разделении политической ответственности, он просит вас быть в этом отношении спокойным и уверенным”. Надо сказать, что бар. Штенгель не был человеком неизвестным Рамишвили. Он имел от последнего в 1925 г. официальное представительство на ведение работы в Германии среди германских и русских правых кругов (см. письменный документ). За одно с этим я получил извещение что Рамишвили желает меня видеть и настойчиво просит приехать. Недели через две я приехал в Париж в сопровождении одного знатока дела. Встреча с Рамишвили состоялась в моем отеле на “авеню де ля Гранд Арме”. В переговорах принял участие и приехавший со мною специалист, познакомивший Рамишвили со всеми планами. Я же оставил ему пись-

менную смету необходимых расходов. Рамишвили, конечно эту смету не утерял и собственноручно потом передал следствию, как документ против меня. (См. архив следствия). Во время переговоров Рамишвили все время говорил и от имени Жордания и подчеркивал, что кроме него и Жордания этого дела никто не знает и не должен знать. — Вернувшись я приступил к предварительной работе. Вскоре я и Штенгель получили от “посла” Жордания телеграмму с запросом достаточно ли для начала такая то сумма. На наш положительный ответ немедленно последовала другая краткая телеграмма: “фольгт” (следует). Затем были получены несколько писем на бланках Грузинского представительства — во всех них повторялось одно и то же: будем работать, скоро приедет и привезет чемоданы. (См. телеграмму и письма). Однако, протекли месяцы, а деньги все не приходили. В Париже снова состоялась встреча Рамишвили с нашим специалистом; от него узнали, что “финансист” от которого “посол” ожидал денег, где то утонул и никто не знает, что случилось с его долларами. “Но, заявил Рамишвили, это дело все же должно быть реализовано, продолжайте, поможем из другого источника”.

Этим кончается первый этап нашего сотрудничества и начинается второй.

Я вместе с моими немецкими друзьями продолжаю дело. Случайно, в Константинополе, Рамишвили наталкивается на факт свидетельствующий, что дело продолжается и подвинулось вперед и обнаруживает сильнейшее желание захватить руководство им. Я ему в этом отказываю. Мы расходимся. Рамишвили

угрожает, что разгласит и провалит дело и приводит эту угрозу в исполнение:

а) в Париже его сподручники, меня, старого члена партии, одного из ее основателей, члена Комитета и его исполнительного Бюро, исключают из партии без предъявления обвинений, и не затребовав от меня никаких объяснений запрещают мне политическую работу. Это постановление рассылается всем немцам, с которыми они подозревают мою связь,

б) в Грузию посылаются письма Жордания и Рамишвили содержание которых известно...

Дело постигает неудача. Власти преследуют меня. Рамишвили тут как тут. По собственной своей инициативе, без всякого вызова, он появляется в Берлине и вмешивается в следствие, дает показания, большинство которых вызывает чувство отвращения даже у самих следователей и возвращаются ему обратно. По распоряжению Жордания его доверенное лицо создает интерпартийное бюро для борьбы со мною, как в суде, так и в прессе. Большевики и меньшевики нежно сотрудничают. Страницы пробольшевицких газет заполняются писаниями меньшевиков. — Но доставленные ими сведения оказываются ложными. Постановление суда не оказывает на них действия. Сочиняются какие то нелепые сказки о каком то Долидзе и т. д. и т. д. Меньшевицкая пресса сплетничает, клеветает, фальсифицирует общественное мнение. Темная кампания продолжается по сегодняшний день.

Скажут почему до сих пор я не предал гласности всю эту историю, почему на скамье подсудимых вместе со мною

не свидетели Жордания и Рамшвили? Не скрою, главным образом потому, что присутствие этих господ осложнило бы дело и загрязнило его идейную сущность.

Кто знает сколько скорбных теней больших и малых грузин, подвергнувшихся без вины преследованиям, пришлось бы вызвать на свет, какую глубину падения и нравственного растрепания узрело бы всевидящее око правосудия, сколько темных деяний предстало бы перед глазами общества... Я с этим почитался.

Вы говорите, что знаете правду. Вот она — правда. Другой правды нет. И я беру на себя полную ответственность за абсолютную точность каждой мысли и каждого слова здесь напечатанного. В ожидании того, что вы потребуете от меня доказательств всего этого тут же сообщаю вам имя и адрес моего адвоката: (следует адрес).

* * *

“ОРНАТИ” (Борозда)

В последнее время в среде грузинских социал - демократов произошли большие сдвиги. Когда - то единая и сплоченная партия распалась на целую серию враждующих группировок. Среди них наибольший интерес, несомненно представляет руководимая В. Новадзе группа “Орнати”, издающая в Париже на грузинском языке журнал под тем же названием. — Группа эта объединяет наиболее талантливые и активные кадры грузинской социалистической молодежи и выступление ее среди бонз старшего поколения вызвало большое смутнение. — Официальные учреждения партии в своих резолюциях объявили, что издатели и сотрудники журнала “Орнати” поставили себя вне партии. В чем

же заключаются преследуемая группой цели и каковы ее идеологические установки? Журнал “Орнати” больше всего занят переоценкой идеологических ценностей и среди катастрофического крушения старых партийных аксиом пытается нащупать то здоровое зерно, которое может быть положено в основу нового реформированного социалистического мировоззрения, исходящего из признания примата национальной идеи в деле государственного строительства. Смело выявляя старья заблуждений и относясь весьма критически к текущей работе официальных руководителей социал - демократической партии “Орнати” громко заявляет:

“В первую очередь мы должны категорически и ясно сказать, что на первом плане мы ставим нацию; мы мыслим ее как основное начало, как примат. Идею нации как непреложному и безусловному принципу мы подчиняем все остальные вопросы: политические, экономические и социальные. Для нас свобода и независимость Грузии — фетиш, который мы носим в нашем сердце. В борьбе за освобождение Нации мы готовы использовать все силы и мы с открытыми объятиями примем всякую Грузию, лишь бы она была свободной и независимой. Всеми фибрами души, всей напряженностью нашей воли мы отвергаем всякую доктрину, ради чистоты которой Грузия должна быть обстрижена. Мы не приемлем никакой догмы ради оправдания которой Грузия должна быть насильственно втиснута в чуждья ей национальному духу формы. Мы решительно отвергаем бессмысленное повторение всяческих, раз навсегда, данных политических “Отче наш”. — Никакого Катехизиса! — Никакого Талмуда!

Сегодня Грузинская нация не борется ради доктрины и ни один там не погиб ради чистоты партийных риз и незыблимость программных вопросов...”

Приведенные строки являются очень характерными для уяснения не только умонастроений, но и психологического тонаса молодого поколения грузинской социал - демократии, все более эмансипирующаяся от марксизма. — В 1, 2 и 3 номерах “Орнати” имеется ряд статей резко критикующих идеологию и практику марксистского течения в Грузии и пытающихся наметить новые идеологические пути для осуществления гармонического синтеза национальных и социальных исканий молодежи.

Журнал уделяет не мало места и вопросам общекавказского характера и призывает к тесному дружескому сотрудничеству всех народов Кавказа.

НА КУЛЬТУРНОМ ФРОНТЕ

(Из Дагестанской прессы)

Наша школа в горах еще далека от выполнения решений Ц. К. по вопросу о школе. В горах мы еще не имеем учебников для средних школ. Педагогические кадры чрезвычайно слабы, подготовленность их низка. Школы оборудованы чрезвычайно неудовлетворительно, недостает учебных пособий.

От классово чуждой идеологии наша школа не застрахована, как и весь процесс культурного строительства. Идеологическая борьба проявляется и в открытых террористических актах, поджоге школ и их имущества и отказе отдавать детей в школу. В школу принимает чужак - учитель кузакского происхождения или явный агент кулака, националистических элементов. В школу

проникают враждебные книги. Делаются неприличные переводы не только книг, но порою даются переводы циркуляров и решений, обратные их смыслу. Портреты вождей в загове — в школах нельзя найти ни одного портрета Ленина и Сталина, но за то всюду портреты Шимала”.

Комментарии излишни.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПЕЧАТЬ О ТУРЦИИ

Парижский еженедельник “Же сюи парту” напечатал впечатления Мишеля Бронса о новой Турции. Автора нельзя обвинить в пристрастии к Турции и немало в его наблюдениях шокирующих моментов — тем интереснее пассаж, который мы предлагаем вниманию наших читателей.

...Прекрасная постановка военного дела в стране не должна вызывать в нас страх турецкой опасности; молодая республика изолирована, следовательно ей приходится в настоящее время гораздо более думать о закреплении приобретенного, чем об авантюрах новых завоеваний. Несмотря на дружеский обмен любезностей, три страны: Италия, Греция и С. С. С. Р. поглядывают на нее с вождением. Первую из них привлекает богатое побережье восточной и южной Анатолии; вторую—Фракия и Константинополь; третья, продолжая традиционную политику славянско-го империализма, мечтает добраться до Александретты и получить, таким образом, прямой выход к Средиземному морю. Поднять оттуда восстание среди арабов было - бы шуточной игрой. Феллахи Египта и номады Геджаса вопли бы в соприкосновение с красной армией, минуя Суэцкий канал; Индия

(кстати, он теперь назначен на тот же пост в... Узбекистан, на подмогу товарищу Бауману и Икрамову).

Надо отдать справедливость Нажмуддину: по поговорке «noblesse oblige», он не хочет оставаться в долгу перед Москвой за такую честь, а главное, человек не хочет казаться перед “кем следует” менее интернационалистом чем его предшественник. И вот, собрав учителей Дагестана, он произнес им целую речь о громадном значении находящегося, якобы, в загоне в Дагестане, русского языка, для “националов”. Вот что он сказал дословно:

“Наш ученик из Аварского, например, района поедет потом в Москву на учебу. На аварском языке университета нет. И нужно понять, что теперь русский язык — это не язык Николая второго и его миссионеров, а язык великого Ленина”.

Соображение-то, конечно, для самого Нажмуддина прямо таки “сногшибательное”. Только, поймет - ли его дагестанский учитель из местного ОНО, сидящий при том же в классе в папаше — как оказывается из речи того же Нажмуддина страшно “шокированного” этим “азиатским обычаем?”.

Вот где вопрос.

И не скажет - ли он — в душе, конечно, — перефразируя одного из двух компаньонов заказавших две рыбы в ресторане, в известном еврейском анекдоте: “Ну, и какая же разница?”. Д.

“ДОБЛЕСТИ” ТОВАРИЩА МЕХТИЕВА

Как себя ведут большевистские сатрапы в побежденных странах, об этом говорят иног-

да те или иные “декреты” появляющиеся в большевистской прессе в тех случаях, когда скандал грозит серьезными последствиями. А то, конечно, более “мелкие грехи” остаются в тени.

Один из декретов, изданный новым дагестанским генерал - губернатором, Н. Самурским, касается “доблестного” поведения члена верховного суда, “товарища” Мехтиева, члена партии с 1926 года, который, командированный в районы на борьбу со скотокрадством, ставшим теперь почти поголовным явлением в крае — что делать, голодный народ есть хочет — устроил в доме местного “прокурора”, то же из “товарищей”, пирушку с возлияниями, в присутствии двух других таких же высокопоставленных “товарищей”.

В результате пирушки, Мехтиев устроил собственноручное мордобитие подвластных жителей, стал стрелять, наводя панику кругом и, в добавление к такой большевистской доблести, покушался даже на честь одной комсомолки - горянки...

Более мелкие чины царской полиции и чиновничества не позволяли себе таких безобразий, зная отлично, что они у горцев безнаказанно не пройдут...

Но можно судить о заботности населения по тому факту, что этот советский негодяй ушел живым, да еще его “кунак” и местные партийные товарищи пытались замазать дело. Мехтиев исключается из партии и предается суду, но еще неизвестно, что суд-то решит, а покаянное письмо в ЦК может вернуть его обратно в “лоно” партии.

Поплюет Мехтиева в другой район, где он будет продолжать свою “полезную” большевистскую деятельность.

Открытое письмо Ш. Рустамбегли М. Э. бейу Расуль Заде

Милостивый Государь,

Мамед-Эмин бей!

В письме моем от 26 февраля 1934 года, полученном Вами 3 марта 1934 г., я пред'явил Вам на ряду с обвинениями, чисто политического характера, обвинение в злоупотреблении финансами национальной организации и партии возглавляемой Вами в связи с обязанностями Вашими председателя партии Мусават и Азербайджанского Национального Центра. Одновременно я предложил Вам обратиться в государственный или товарищеский суд, если Вы признаете эти мои обвинения неосновательными.

Означенное письмо мое напечатано было впоследствии в брошюре моей, изданной под названием «Yikilan Putlar».

Это мое публичное выступление последовало после продолжительных попыток политической нашей эмиграции — установить нормальный порядок, который мог бы гарантировать правильное ведение дел. К сожалению все эти попытки остались без результата.

Совокупность всех этих обстоятельств привела в расколу партии "Мусават" и распадение "Национального Центра", из 8 членом которого 5 демонстративно подали в отставку и вышли из "Центра". считая совместную с Вами работу невозможной. Создавшееся положение, казалось, обязывало Вас, сделать из него соответствующие выводы... Вы же безцеремонно и без всякого морального и юридического основания продолжаете носить звание председателя этих организаций...

Получив указанное выше мое письмо, Вы усмотрели в нем лишь личное оскорбление и умудрились вызвать меня на дуэль, но не взирая на принятие мною вызова, Вы затем по-

зорно отступили (смотри брошюру «Yikilan Putlar» стр. 18 - 22). Когда же этот маневр Ваш, осужденный, кстати и Вашими секундантами, не удался, то Вы открыли столбцы редактируемой Вами газеты "Истикал" и начали печатать недостойный серьезного политического деятеля непристойности и грязь против меня, желая затушевать демагогией позорящая вас обвинения. Такой метод защиты с Вашей стороны вызвал справедливое осуждение нашей эмиграции, выразившееся в поступающих со всех сторон многочисленных протестах небызвестных и Вам.

Я вынужден напомнить Вам и констатировать перед общественным мнением, что истекает уже пятый месяц с момента отправления Вам моего письма, и что в течение столь продолжительного времени *Вы не промолвили во всех ваших выступлениях ни единого слова, по существу обвинений, пред'явленных вам,* а так - же обошли полным молчанием мое предложение вызвать меня на суд.

Это обстоятельство мне и каждому объективному деятелю дает законное право считать что Ваше молчание есть не что иное, как молчаливое признание моих обвинений, против которых у вас не нашлось возражений.

Что - же касается Вашей гнусной газетной кампании против меня, я предлагаю Вам изложить точно и определенно, — в печати или в особом письме, по вашему усмотрению, Ваши обвинения и пред'явить их мне в конкретной форме. В этом случае я не последую вашему примеру и не примену немедленно реагировать на это должным образом, и если Вы не докажете своих обвинений, я пригвозжу Вас к позорному столбу как низкого клеветника.

Рустамбегли Шафи.

Стамбул, 17 июля 1934.

Письмо в Редакцию

Милостивый Государь,
господин Редактор!

В 5 номере Вашего журнала были помещены между прочим два письма: одно — за подписью г. Расул Задэ и другое за подписью семи его подголосков.

В виду того, что в этих письмах авторы пытаются опровергнуть факт съезда партии “Мусават”, развязно пронизируют на мой счет, я, в качестве одного из лиц, подписавших протоколы съезда, вынужден просить Вас, господин Редактор, не отказать дать место моему настоящему письму.

Итак, Мамед. Эмин бей со своими приспешниками развязно отрицает факт состоявшегося конгресса членов партии “Мусават” и вынесенных резолюций.

Нужно ли говорить о том, что такой метод “опровержения” попросту смешон и является бессильным маневром в конец растерявшегося эке - “лидера”, пытающегося огульным отрицанием очевидных фактов сохранить за собой и своим окружением безнадежно потерянные позиции.

Было бы еще понятно и даже извинительно, если бы г. Расул Задэ пытался как -нибудь умалить значение этого неприятного для него факта, но столь слабо продуманный прием лишь в конец дискредитирует его.

Никакие верноподданнические манифестации его платных агентов не замаскируют того, что вся наша молодежь и девять десятых всей азербейжанской эмиграции совершенно отвернулись от него.

Было бы хорошо, если бы, Мамед. Эмин бей над всем этим крепко призадумался.

Не желая боле злоупотреблять любезно-

стью многоуважаемой Редакции, позволю себе в заключение и в память прошлой дружбы, дать Мамед - Эмин бей три добрых совета:

1) Прекратить наконец на страницах “Истиклала” “верноподданнические излияния”

2) Не наускивать своих “ответственных деятелей из партии “Мусават” ни на нас, порвавших с ним всякия сношения, ни на других соотечественников, не признающих его авторитета в национально - политических вопросах” и

3) Уберечься от искушения все еще считать себя председателем распавшегося Центра и величать себя иными различными титулами.

А что касается платных сотрудников г. Расул Задэ, так легко дающих свои подписи под разнаго рода “волеизъявления” шефа — то о них пусть судит сама наша эмиграция — цену им она хорошо знает.

Селим Агасибейли.

От Редакции. — Настоящее письмо по техническим причинам не могло появиться в предыдущем номере нашего журнала. Г. С. б. Агасибейли вместе с г.г. Х. б. Хас Мамедли и Р. б. Рустамбейли подписал помещенный в апрельском номере “Кавказа” резолюции партии “Мусават”. В виду того, что одним из писем в Редакцию напечатанных нами в майском номере, С. б. Агасибейли может считать себя лично задетым, Редакция сочла своим долгом предоставить ему страницы “Кавказа” для ответа.

Вместе с тем Редакция находит, что опубликованные письма, исходившие от обеих сторон в достаточной мере осветили то, что в возникшей среди членов партии “Мусават” контроверзе могло иметь общественный интерес. Дальнейшую дискуссию по этому вопросу, она поэтому считает излишней.

Ред.

От Редакции

М. Э. Расул Заде обвиняет "Кавказ" в нарушении журнальной этики и пристрастном отношении к его противникам.

Поводом для обвинения послужило то обстоятельство, что помещенное в 5 номере нашего журнала, опровержение его, Редакция сочла необходимым предварительно показать "противной стороне" и поместить ее ответ в том же номере вслед за его и его друзей письмами.

Из редакционного нашего примечания к напечатанному в майском номере письмам, читатели "Кавказа" знают как осторожно мы стеснились в разстроившей г. Расул Заде информации и какие меры предосторожности мы приняли, чтобы придать сообщению о переменах в руководстве партии "Мусават" возможно более серьезный и объективный характер.

К этому мы можем добавить, что накануне выхода в свет нашего апрельского номера, мы признали полезным предупредить представителя г. М. Э. Расул Заде в Париже д-ра Мир Якуб бея Мехтиева о предстоящем опубликовании письма г. г. Хас - Мамедки, Густам бейли и Агасибейли и заверили его в том, что "Кавказ" сочтет своим долгом немедленно напечатать реплику г. Расул Заде, если он такую пожелает нам прислать.

Когда опровержение М. Э. Расул Заде было нами получено, нашей первой заботой, действительно было ознакомить с его содержанием авторов информации, несущих ответственность за сообщенные ими сведения не только перед г. Расул Заде, но и перед Редакцией и читателями нашего журнала, и потребовать у них объяснений.

Эти объяснения в строгом соответствии с лучшими тра-

дициями и твердо установленной практикой серьезнейшей части европейской печати мы поместили вместе с опровержением г. Расул Заде в ближайшем же номере нашего журнала.

Вот если бы мы поступили иначе, то "противная" сторона действительно могла бы и с полным основанием, упрекнуть нас в некорректности и явном пристрастии к М. Э. Расул Заде...

Трудно понять зачем понадобилась эта неудачная диверсия редактору "Истиклала".

Мы не можем себе представить, что вышеизложенные азбучные истины были неизвестны такому старому и опытному журналисту как Расул Заде.

Не хотим мы также думать, что он сознательно спекулирует на невежестве в вопросах журнальной этики своих читателей.

Дело, по видимому, в том, что в связи с партийными огорчениями г. Расул Заде пребывает в последнее время в состоянии запальчивости и раздражения... Только этим его состоянием можно объяснить элегатный упрек в погоне за сенсациями, который он неосторожно бросает "Кавказу" и классификацию нашего, не только в высокой степени корректного но и предупредительного к себе отношения, как "поступка, непристойного с точки зрения "журнальной этики".

Так как г. Расул Заде проявляет такую исключительную щепетильность в вопросах журнальной этики, да будет нам позволено задать ему вопрос.

Что общего с журнальной, обывательской или какой угодно иной этикой имеет та злобная, но без доказательная кампания, которую, вот уже в течение многих недель ве-

дет "Истиклад" против его политических противников.

Думает - ли г. Расул Зада, что выливаемые на них на страницах его органа ушаты грязи

могут заменить в общественном мнении тот суд чести или государственный суд, который так настойчиво и пока тщетно предлагают ему его антагонисты.

Библиография

Joseph KARST. — *Littérature Géorgienne Chrétienne*. — Paris.

Edit. Bloud et Gay, 1934. In-16, 177 p., accompagnée d'une « Bibliographie ». Prix : 12 frs.

Cette histoire littéraire de la Géorgie paraît pour la première fois. On peut en féliciter son auteur et les éditeurs. Ses idées, son exécution, quoique hâtive, ses conclusions sont aussi généreuses que possible. N'ayant pour ainsi dire pas de précurseurs français et s'étant documenté d'après des ouvrages généralement géorgiens, d'ordinaire très douteux, tels que *Chanidzé*, *Djanachvily*, *Taqachvily*, etc., qui abondent en erreurs, le professeur français de Strasbourg a remporté le plus vif succès devant le public ou les spécialistes, grâce à son incontestable érudition dans le domaine difficile de l'orientalisme. Je dis difficile; car, dans son cas, la connaissance de langues les plus diverses était indispensable : géorgienne, arménienne, russe, syriaque, persane, arabe, grecque, sans parler du manque de sources sur la Géorgie dans les « Bibliothèques » européennes. Notons quelques défauts, facilement réparables :

a) Page 9. Le savant orientaliste nous dit que le nombre des habitants de la Géorgie s'élève à un million d'âmes environ. Klaproth, Brosset (Nouv. Journ. As., t. I, 1827), — « Calendrier du Caucase » (1910), « Statistiques Officielles » (1932) sont pourtant d'accord à ce sujet : ce chiffre s'élève depuis un siècle à 2 mill. et demi contre 7 millions au temps de l'Age d'Or (Thamar. XIIe s.).

b) Pages 11, 12 et 17. Il y a une contradiction. Le Ve siècle est considéré par l'honorable auteur comme époque de l'introduction du Christianisme en Géorgie, et la page suivante nous indique le « IVe siècle » comme le début du Christianisme en Géorgie. A la page 17, il nous précise même l'année de cet événement (325), point cardinal de toute son étude.

c) Pages 11, 13, où il est question du grand problème des origines des Alphabets Géorgiens (« Khoutsouri » — ecclésiastique, « Mkhédrouli » civique) manque un tableau comparatif des deux écritures; ce

dernier, reproduit en regard, aura facilité la solution de cette question compliquée, mille fois traitée par nombre d'auteurs, mais jamais résolue.

Dans l'indication sur Okromchédelov (Sérebriakov), p. 11, notice, il manque de précisions au sujet de son ouvrage sur les Alphabets Géorgiens, écrits en russe, et non pas en français, comme on pourrait le supposer, selon la mention de la notice précitée. Mkhédrouli doit être considéré comme l'alphabet le plus récent, il présente un grand perfectionnement, il est plus adroit que Khoutsouri (33 lettres contre 40), sa source principale, selon la tradition millénaire; il est plus simple, commode, facile à apprendre et à manier. — Les cultes naissent en même temps que les races et l'ancien alphabet géorgien, hors usage courant aujourd'hui, servait aux mages et aux serviteurs du feu.

d) P. 68. Le prince royal, Théimouraz le Bagration, peut être appelé : « Guiorguis-dzé », en géorgien, ou « Guérguievitch », en russe, ce qui signifie : « fils de Georges ». Nous lisons à la ligne 7 de la page indiquée : « Giorgiadzé » qui est un nom de famille sans aucune communauté avec le prince lettré.

e) P. 70. La fête de sainte Nino se célèbre en Géorgie le 14 (quatorze) janvier et jamais le 15.

f) P. 80. Les dates manquent, en ce qui concerne le grand prédicateur du Xe siècle — Chio Mghvimiéli (ne pas confondre avec le poète lyrique géorgien de notre siècle, connu sous le même pseudonyme).

g) P. 92. Le passage, consacré à l'époque de Thamar (Siniéli, Tchcondidéli, etc.), à la période de Wakhtang VI (Saba, Antoni, etc.) est très sommaire : Cinq siècles entiers séparent ces deux périodes littéraires géorgiennes. Les XIIIe-XVIe siècles sont considérés comme l'époque de la décadence, mais il y eut bien d'écrivains entre ces dates, malgré les invasions fréquentes mongoles-persano-arabes.

h) P. 93. « La Fontaine, entre autres, a puisé

partiellement la matière de ses fables du « Livre de la Sagesse »... d'Orbéliany, nous dit l'auteur, mais c'est inconcevable. Le fabuliste français était plus âgé de 38 ans que son rival littéraire géorgien; les fables géorgiennes furent composées après le retour de Saba, de Paris en Géorgie (1715-1716), profondément influencé par la lecture de fables françaises, si populaires à cette époque. (La Fontaine : 1621-1695. Saba Orbéliany : 1659-1725.)

C'est donc le contraire qui s'est produit. A comparer « Le Renard et la Cigogne » français avec « Le Renard et le Héron » géorgien; mêmes personnages, mêmes aventures, mêmes conséquences et conclusions.

i) P. 116. La seconde étude de R. Dareste est omise. Il a consacré à la Géorgie et au Caucase juridiques un grand article dans son ouvrage *Nouvelles Etudes* (Paris, éd. Larose, 1902, pages : 230-264) qui est la suite de son « Histoire du droit » (*ibid.*; 1889).

j) P. 120. « *Droéba* » ne signifie nulle part : « le temps », mais « l'époque », « la période », « la phase » (sens partitif, analyt.); ce terme est dérivé du mot géorgien : « *DRO* » (= « le temps », sens générique, synt.).

k) P. 123. Le couvent de Guélathi existe de nos jours et se trouve en Iméréthie et non pas en Mingrétie (page 93, ligne II, d'en bas, le confirme d'ailleurs).

l) P. 126. La version poétique de « *Wisramiani* » par le roi Artchil III, fut publiée par la revue « *Droéba* » (= « l'Époque ») en 1885 (N° 85). (P. 141 nous confirme seulement l'existence d'une « version poétique de « *Vis et Ramin* », due à ce roi letré).

m) P. 135. Dans la liste de *monographies*, consacrées à Rousthawéli, toute une série d'ouvrages a été omise. (Justin Abouladzé, Tiflis, 1908; S. Kakabadzé, ob., 1912; Constantin Balmont : *Etudes et traduct. russe en vers. Paris, Impr. Franco-Caucasienne, 1933, etc.*).

n) P. 143. « *Tchachniki* » signifie « *L'échantillon* », « l'exemple » (*en singulier*) et jamais les « *Essais* » (ligne II d'en-bas).

o) P. 147. Georges Eristhavi n'a été influencé aussi profondément par aucun écrivain, sauf Molière. (A comp. « *L'Avare* » des deux écrivains : français et géorgien).

p) P. 148. Le poète Luc Razikachwily n'est connu que sous son célèbre pseudonyme « *Waja-Pchawéla* ».

q) P. 151. Sur les « *Nartes du Caucase* » il y a un autre ouvrage récent : G. Dumezil, m. titre, édit. Champion, Paris, 1930, in-8°, 215 pages.

r) P. 155. L'académicien Marie-Félicité Brosset est confondu avec son fils Laurent Brosset. La « *Bibliographie analytique des ouvrages de M.-F. Brosset* », *Saint-Petersbourg, 1887*, est du fils et non pas du père (m. en 1880).

s) P. 156. Nicolas Goulak est l'auteur d'un ouvrage, en russe, sur « *Rousthawéli et son poème* » (Tiflis, 1884, souvent cité par Al. Khakanov dans t. II de son « *Hist. de la Littér. Géorgienne* », *Moscou, 1897*) et le grand article sur « *L'état actuel de la Littérature Géorgienne* » appartient à la plume de Brosset père : in « *Nouveau Journal Asiatique* », 1828, t. I, pages 434-454. (Voir le mot « *Gulak* », p. 156 de l'ouvrage de M. Joseph Karst.)

Ch. B.-DZE.

~~~~~  
 Вся корреспонденция касающаяся "Кавказа" должна быть направляема по адресу :  
**Мonsieur HAIDAR BMMATE. 10, rue de Plelo, PARIS (15°).**  
 ~~~~~

Редакция приглашает друзей "Кавказа", сочувствующих его задачам и направлению, оказать журналу моральную и материальную поддержку. Вступлением в число его подписчиков.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

	за год	за 6 месяцев
Во Франции:	36 фр.	18 фр.
В других странах:	38 фр.	19 фр.

~~~~~
 ПОСТУПИЛИ В РЕДАКЦИЮ "КАВКАЗА"
 ДЛЯ ПРОДАЖИ СЛЕДУЮЩИЯ КНИГИ

Haïdar Bammate. — *Le Caucase et la Revolution Russe.*

— 12 фр.